

Т. С. Вершинина, М. Ю. Илюшкина
Екатеринбург, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье на примере советского и германского военного дискурса первой половины XX в. рассматриваются основные подходы к формированию моделей патриотического поведения в условиях военных действий. Категория «патриотическое поведение» рассматривается в культурологической, философской, исторической, социологической традиции как способ преобразования и улучшения мира, образец социально одобряемого поведения. Цель статьи заключается в выявлении речевых механизмов воздействия на индивида, формирующих запланированные формы поведения. Сопоставление речевых интеракций на русском и немецком языках периода Второй мировой войны, включенных в социокультурный контекст, позволяет дать психолого-лингвистическое обоснование восприятия таких моделей и описать их роль в поведении адресата (индивида) в условиях политического противостояния, когда перед личностью стоит проблема выбора. Результаты исследования демонстрируют эффективность подходов к формированию поведенческих моделей; подходы, основанные на методах лингвистического анализа и выявленные в процессе исследования, могут быть применены не только в политических или социологических исследованиях, но также стать опорными в работе практических психологов, могут быть полезны специалистам, работающим в сфере воспитания молодежи и коррекции отклоняющегося поведения. Описанные в статье модели патриотического поведения сохраняют актуальность и, при критическом переосмыслении, могут быть использованы как базовые методы речевого воздействия в современных условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военный дискурс; патриотизм; русский язык; восприятие; героические символы; сравнительно-сопоставительный анализ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Вершинина Татьяна Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Института социальных и политических наук, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: wtatiana@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Илюшкина Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Института социальных и политических наук; Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ilyushkina_maria@mail.ru.

Развитие современного общества, изменение его экономических, культурных и духовных оснований с неизбежностью требует теоретического осмысления общественно значимых субъективных процессов, затрагивающих интересы каждого гражданина, так или иначе включенного в них. Динамика социальных преобразований меняет ракурсы традиционных представлений о взаимодействии личности и общества. Ускорение общественных преобразований и активная вовлеченность в них субъектов приводит к трансформации ценностей, смыслов, установок, гражданской позиции личности в целом. В наибольшей степени это проявляется в ситуациях политической конфронтации, международных вооруженных конфликтов, в условиях боевых действий на территории страны.

В такие моменты актуальной становится проблема особой активности субъектов (общества, группы, индивида) как чрезвычайного поведения, которое в философской традиции (Ф. Ницше, Т. Карлейль, О. Ранк, П. Сорокин, С. Булгаков и др.) рассматривается как способ преобразования и улучшения мира и, следовательно, как существенное поворотное событие в планомерном течении социальных процессов. В культурологической, философской, исторической, социологической литературе такое поведение, как правило, характеризуется через категорию «патриотическое поведение». Иными словами, подчеркивается достижение некоторого предсказуемого результата, который будет рассматриваться в каче-

стве морально-нравственного образца социально одобряемого поведения.

Исходя из многогранности и многоликости представлений о патриотизме, считаем необходимым начать обсуждение проблемы с дискурса военного патриотизма.

В военном патриотизме в наибольшей степени проявляются все существенные аспекты данного феномена: социокультурные условия, дено- тативное и коннотативное значения, мотивационно-смысловые детерминанты, соотношение объективных и субъективных ценностей и целей, образ патриота — субъекта деятельности.

Социокультурные условия определяют не только формы и способы патриотического поведения, но и методы его формирования. Так, в общественном сознании XIX в. и во время Первой мировой войны патриотами считали офицеров и солдат, отдававших жизни за веру, царя и отечество, преданных идеалам служения и верности, тех, для кого понятие «честь» не было пустым звуком.

Во время Второй мировой войны формирует- ся тоталитарный героический дискурс, суть которого состоит во внедрении в массовое сознание установок преображения «плохого» в «хорошее», обыденного в патриотическое. Это отчетливо проявляется в директивах СНК СССР, в выступлениях И. В. Сталина. Многократное повторение одних и тех же установок в текстах массовой культуры умножает определенность представлений о патриотическом поведении: регулярно повторяются

такие «многомерные» формулировки, как *«отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу», «наше дело правое, враг будет разбит, мы должны победить», «предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, — невзирая на лица»* и др. Выражение подобных установок, представленных в разных формах (кинофильмы, плакаты, газетные публикации, сводки Совинформбюро, карикатуры и т. п.), характерно для военного дискурса периода Второй мировой войны и оказывало сильное влияние на эмоции и подсознание. Эффективность подобных установок обеспечивалась также «закрепощенностью» общественного сознания советских граждан. Вся система государственного воздействия на личность была направлена на то, что человек не сможет расшифровать многослойную структуру символа, которым определялось и направлялось его поведение. Конфликт между осознаваемыми и неосознаваемыми способами взаимодействия общества и личности порождал у каждого индивида состояние постоянной тревоги и страха. Наиболее вероятным и социально одобряемым выходом становилось безусловное соответствие моральным нормам, среди которых были патриотизм, гражданственность, самоотверженность и т. д.

Сводки Совинформбюро воспринимались без когнитивной переработки благодаря верно подобранному голосу диктора и его профессиональным качествам, умению правильно сделать паузу, подчеркнуть интонацией трагичность поражения и радость победы, актуализировать тот или иной фрагмент сводки и т. д. Эмоциональное воздействие пропаганды усиливалось «Окнами ТАСС» и плакатами, сообщавшими о политических и военных успехах Красной армии. Плакаты расклеивали также в цехах, на стенах домов, танках и т. д. Содержание плакатов обеспечивало аффективно заряженный, побуждающий эффект, направленный на ненависть к врагу (*«Воин Красной Армии, спаси!; Не дай надругаться!; Я жду тебя, воин-освободитель!»*) и воскрешающие в памяти образцы патриотов прошлого (Минин и Пожарский; А. Невский, А. Суворов и В. Чапаев на одном плакате; *«Красноармеец, будь достоин богатырской славы твоего народа!»*) и т. д.

Наиболее значительным и действенным, с точки зрения формирования мотивации, представляется плакат «Родина-мать зовет!» (традиционно Россия всегда была аграрной, следовательно, крестьянской страной. По переписи 1940-го года население страны насчитывало 194,1 млн чел., из них 63,1 — городское население, 131,0 — сельское. Крестьяне, несмотря на атеистическую пропаганду, по-прежнему сохраняли православное, патриархально-языческое сознание). Образ матери, с одной стороны, является важным архетипом бессознательного, с другой, основополагающим православным образом Богородицы, который отождествляется с матерью сырой землей [Руднев 2005]. В результате с первых дней был сформирован позитивный, эмоционально окрашенный образ страны, втянутой в войну.

Самое большое число патриотических символов дала пропагандистская машина прессы. Это подтверждают слова А. Толстого (в то время члена Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников): «...советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа. Она находит слова правды, высокохудожественной формы и ту божественную меру, которая свойственна народному искусству. Пусть это только начало. Но это начало „великого“. Среди воюющих находились 900 советских писателей, они создавали целую плеяду патриотических образов, которые в большей степени, чем символы служили опорой системы, которая посредством пропаганды подчеркивала их беззаветную преданность. Среди них Зоя Космодемьянская, В. Талалихин, Н. Гастелло, А. Матросов и др. Нарративность подобных историй, будучи воспринятой в качестве личностно значимого представления о патриотическом герое у красноармейцев, определяла представление о единственно верной модели поведения в условиях военных действий, что выливалось в повторяемости действий и отражении их в публикациях: *„Такой-то повторил подвиг Талалихина (Матросова, Гастелло и т. д.)“*».

В Третьем рейхе пропаганда патриотического поведения разворачивалась по подобной же схеме. Для снижения у немцев угрызений совести за преступления своей страны проводились массовые факельные шествия, способствующие эмоциональному подъему и формированию чувства сопричастности общему делу (ср. демонстрации 1 Мая, 7 ноября в СССР для повышения чувства единения со страной). Наиболее действенными средствами в Германии были радио и пропагандистские киножурналы «Wochenschau» перед киносеансами. Й. Геббельс создал эффективный аппарат тотальной пропаганды национал-социалистической идеологии, чем обеспечил поддержку агрессивного внешнеполитического курса Германии 1933—1945 гг. большим ее граждан. Так же, как и в СССР, стремился побудить немцев держаться до окончательной победы. Национал-социалистическая пропаганда также была направлена на формирование патриотического отношения к стране, на восхваление героев нации. Особенностью пропаганды патриотического поведения в Третьем рейхе является героизирующий натурализм. В книге А. Гитлера «Mein Kampf» первые его герои изображаются «забрызганными кровью победителями в неравном бою, достойными подражания бойцами в исторических схватках на митингах». Следующий героический символ нацистской Германии основан на образе автогонщика Бернда Роземайера [Клемперер 1998: 4] (излюбленный героический образ 1930-х гг.), который вслед за Хорстом Веселем занял в народном сознании немцев почетное место. С 1939 г. автогонщика сменил танкист, «язык нацизма пустил в обращение и сделал излюбленным новое и редкое прилагательное... „бойцовский, боевой“ (kämpferisch). ...Это слово в самой обобщенной форме обозначает напряженное, в любой ситуации нацеленное на самоут-

верждение (защитой или нападением), бескомпромиссное состояние духа и воли» [Клемперер 1998: 4]. Отличительная черта нацистской пропаганды, с точки зрения эффективности воздействия, — вечерняя работа с ее объектами. Гитлер любил проводить митинги вечером. Й. Геббельс ежедневно по вечерам обращался к гражданам Германии. Успешность такого воздействия и формирования необходимых установок объясняется тем, что вечером ослаблены психические и физические возможности человека, следовательно, способность «расшифровать» символ также снижена. Трансформация символов патриотического поведения в нацистской пропаганде объясняется не только стремительными внутривойсковыми изменениями, но и захватывающим характером последовавшей войны, поэтому символы героического поведения в структуре пропаганды государства-захватчика должны быть дополнены сопутствующими символами (освободитель, представитель великой расы и т. п.). Вызывая у солдат и граждан Германии недовольство Советской Россией как «оплотом коммунизма», Й. Геббельс ухитрился убедить немецких солдат в справедливости их войны, обещая уничтожение марксизма, гарантируя социальную безопасность немцев и восстановление национального престижа Германии.

Анализ потерь воюющих сторон, а также патриотической и героической символики XX в. дает основание предположить, что создание образов патриотического поведения позволяет не в полной мере оснащенной (с точки зрения вооружения) и подготовленной (участие в приближенных к боевым условиям действиях) армии вести длительные боевые действия.

Технология создания моделей патриотического поведения, разработанная в годы Великой Отечественной и Второй мировой войн, имела далеко идущие последствия. Модели патриотического поведения, внедренные в сознание нескольких поколений советских граждан, опосредованно откликаются и в поведении последующих поколений, однако смена политической парадигмы неизбежно приводит к новому содержанию наполнению денотата «патриотизм». При этом следует заметить, что общим в создании такого рода моделей можно рассматривать механизм формирования психологической защиты, позволяющей избежать состояния паники, отчаяния, страха, горя, вины, бессонницы, физического напряжения и беспокойства, охваченности тягостными воспоминаниями и представлениями разрушения и смерти. Такой ракурс находится в центре исследований военной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурахманов Р. А., Анцупов А. Я., Бархаев Б. П. Военная психология: методология, теория, практика : учеб.-метод. пособие / Военный университет. 2014. URL: <http://www.psyinst.ru/library.php> (дата обращения: 25.06.14).
2. Андрианов М. С. Невербальная коммуникация: психология и право. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2007. С. 37.

3. Антонян Ю. М. Особо опасный преступник. — М. : Проспект, 2001.
4. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. — М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996.
5. Выготский Л. С. Психология искусства. — М. : Педагогика, 1978.
6. Гаврилова Т. В. Зависимость психологических стрессовых реакций от общественной значимости события // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2005. № 1.
7. Грановская Р. М. Психология веры. 2-е изд., перераб. — СПб. : Питер, 2010. (Сер. «Мастера психологии»).
8. Дадун Р. Фрейд / пер. с фр. Д. Т. Федорова ; предисл. канд. филос. наук А. М. Руткевича. — М. : Изд-во АО «Х. Г. С.», 1994. С. 169—172.
9. Клемперер В. ЛТН. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А. Васильева. — М. : Прогресс-Традиция, 1998.
10. Леонтьев А. Н. Психологическая теория деятельности // Избр. психол. тр. : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. — М. : Педагогика, 1983. Т. 2. С. 93—250.
11. Райх В. Психология масс и фашизм. — М. : АСТ, 2004.
12. Решетников М. М. Психопатология героического прошлого и будущее поколения // Artofwar. 2014. URL: http://artofwar.ru/r/reshetnikov_m_m/text_0010.shtml (дата обращения: 15.11.2014).
13. Робертсон Р. Введение в психологию Юнга. — Ростов н/Д : Феникс, 1999. (Сер. «Психологические этюды»).
14. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / под ред. В. С. Стёпина ; секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. — М. : Наука, 2007.
15. Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под общ. ред. канд. воен. наук, проф. АВН генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева. — М. : Олма-Пресс, 2001.
16. Руднев В. Словарь безумия. — М. : Независимая фирма «Класс», 2005.
17. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М. : РОССПЭН, 1999.
18. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. — М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997.
19. Тульчинский Г. Л. Разум, воля, успех: о философии поступка. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.
20. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М., 2002. С. 426—433.
21. Фрейд З. Влечения и их судьба // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. — СПб. : Алетейя, 1998. С. 124—150.
22. Фрейд З. Мы и смерть. 2014. URL: http://www.libok.net/writer/3939/kniga/49201/freyd_zigmund/myi_i_smert (дата обращения: 03.03.2014).
23. Lacan J. The Seminars of Jacques Lacan. Vol. 3. The psychoses, 1955—1956. — New York, 1981.

T. S. Vershinina, M. Y. Ilyushkina
Ekaterinburg, Russia

FORMATION OF A MODEL OF PATRIOTIC BEHAVIOR IN MILITARY DISCOURSE

ABSTRACT. *The article dwells on the main approaches to the formation of patriotic behavior models in wartime conditions on the example of the Soviet and German military discourse in the beginning of the twentieth century. The category of patriotic behavior is viewed in the cultural, philosophical, historical and sociological tradition as a way of improving socially approved behavior and society transformation. The article is aimed at revealing speech mechanisms of influencing an individual and modeling his/her behavior. The comparison of speech interactions in the Russian and German languages during World War II, included in the social and cultural context, gives ground for psychological and linguistic basis of perception of such models and describes their role in individual behavior in wartime conditions, when a person is faced by choice. The psycholinguistic basis for perception of such models and their role in individual behavior is given. The results of the undertaken research show the effectiveness of approaches to the formation of behavioral model. These approaches are based on the methods of linguistic analysis and can be applied not only to political and sociological research, but can be also used by practical psychologists and experts who work in the sphere of up-bringing and correction of deviant behavior. The models under analysis preserve their significance even if some of their aspects are criticized; they can be used as basic methods of speech influence in modern conditions.*

KEY WORDS: *military discourse; patriotism; the Russian language; perception; heroic symbols; comparative analysis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vershinina Tatiana Stanislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ilyushkina Maria Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg.*

LITERATURE

1. Abdurakhmanov R. A., Antsupov A. Ya., Barkhaev B. P. Voennaya psikhologiya: metodologiya, teoriya, praktika : ucheb.-metod. posobie / Voenny universitet. 2014. URL: <http://www.psyinst.ru/library.php> (data obrashcheniya: 25.06.14).
2. Andrianov M. S. Neverbal'naya kommunikatsiya: psikhologiya i pravo. — M. : Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2007. S. 37.
3. Antonyan Yu. M. Osobo opasnyy prestupnik. — M. : Prospekt, 2001.
4. Asmolv A. G. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya i konstruirovaniye mirov. — M. : Izd-vo «Institut prakticheskoy psikhologii»; Voronezh : NPO «MODEK», 1996.
5. Vygotskiy L. S. Psikhologiya iskusstva. — M. : Pedagogika, 1978.
6. Gavrilova T. V. Zavisimost' psikhologicheskikh stressovykh reaktсий ot obshchestvennoy znachimosti sobytiya // Voprosy psikhologii ekstremal'nykh situatsiy. 2005. № 1.
7. Granovskaya R. M. Psikhologiya very. 2-e izd., pererab. — SPb. : Piter, 2010. (Ser. «Mastera psikhologii»).
8. Dadun R. Freyd / per.s fr. D. T. Fedorova ; predisl. kand. filos. nauk A. M. Rutkevicha. — M. : Izd-vo AO «Kh. G. S.», 1994. S. 169—172.
9. Klemperer V. LTI. Yazyk Tret'ego reykh. Zapisnaya knizhka filologa / per. s nem. A. Vasil'eva. — M. : Progress-Traditsiya, 1998.
10. Leont'ev A. N. Psikhologicheskaya teoriya deyatel'nosti // Izbr. psikhol. tr. : v 2 t. / A. N. Leont'ev. — M. : Pedagogika, 1983. T. 2. S. 93—250.
11. Raykh V. Psikhologiya mass i fashizm. — M. : AST, 2004.
12. Reshetnikov M. M. Psikhopatologiya geroicheskogo proshlogo i budushchie pokoleniya // Artofwar. 2014.

URL: http://artofwar.ru/r/reshetnikov_m_m/text_0010.shtml (data obrashcheniya: 15.11.2014).

13. Robertson R. Vvedenie v psikhologiyu Yunga. — Rostov n/D : Feniks, 1999. (Ser. «Psikhologicheskie etyudy»).
14. Rossiya v globaliziruyushchemsya mire: mirovo-zrencheskie i sotsiokul'turnye aspekty / pod red. V. S. Stepina ; sektsiya filosofii, sotsiologii, psikhologii i prava Otdeleniya obshchestvennykh nauk RAN. — M. : Nauka, 2007.
15. Rossiya i SSSR v voynakh KhKh veka: poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoe issledovanie / pod obshch. red. kand. voen. nauk, prof. AVN general-polkovnika G. F. Krivosheeva. — M. : Olma-Press, 2001.
16. Rudnev V. Slovar' bezumiya. — M. : Nezavisimaya firma «Klass», 2005.
17. Senyavskaya E. S. Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii. — M. : ROSSPEN, 1999.
18. Senyavskaya E. S. Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki. — M. : In-t ros. istorii RAN, 1997.
19. Tul'chinskiy G. L. Razum, volya, uspekh: o filosofii postupka. — L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1990.
20. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuylov G. M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp. — M., 2002. S. 426—433.
21. Freyd Z. Vlecheniya i ikh sud'ba // Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize. Ocherk istorii psikhoanaliza. — SPb. : Aleteyya, 1998. S. 124—150.
22. Freyd Z. My i smert'. 2014. URL: http://www.libok.net/writer/3939/kniga/49201/freyd_zigmund/myi_i_smert (data obrashcheniya: 03.03.2014).
23. Lacan J. The Seminars of Jacques Lacan. Vol. 3. The psychoses, 1955—1956. — New York, 1981.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.